

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

КРАХ ГЕРМАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Изменение стратегического положения Советского государства осенью 1918 г. и аннулирование Брестского договора

Положение о непрочности военно-политических позиций германского империализма и неизбежности поражения Четверного союза под ударами войск Антанты извне и революционного взрыва изнутри являлось одним из определяющих при выработке внешнеполитического курса Советского государства как при заключении Брестского мира, так и в последующий период борьбы против интервенционистской политики обоих империалистических блоков, определяло степень его вынужденных компромиссов и территориальных уступок. Управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич отмечал в своих воспоминаниях, что, получая донесения о продолжении германской экспансии на юге страны в конце мая — начале июня 1918 г., В. И. Ленин говорил: «Долго это не может продолжаться. Кризис у немцев все более нарастает...»¹

Ленинский прогноз полностью подтвердился. 8 августа 1918 г. англо-французские войска в районе междуречья Соммы и Уазы прорвали германский фронт, что свидетельствовало о резком падении боеспособности кайзеровской армии и означало окончательный переход стратегической инициативы в руки Антанты. С выходом из войны Болгарии 29 сентября 1918 г. начался распад Четверного союза. 30 октября капитулировала Турция, 3 ноября — Австро-Венгрия, где на месте «лоскутной монархии» Габсбургов вскоре образовался ряд республик. Тогда же вспыхнула народная революция в Германии, опрокинувшая трон Гогенцоллернов и других королевских и княжеских династий и поставившая под угрозу власть империалистической буржуазии. Поражение Германии в мировой войне и Ноябрьская революция во многом были обусловлены и ускорены разбойничьим антисоветским походом кайзеровских генералов. Отмечая неспособность Берлина удержать гигантскую машину войны в русле осуществимых стратегических задач, В. И. Ленин указывал, что, «если бы во время брестских переговоров Германия оказалась бы сколько-нибудь владеющей собой, сколько-нибудь хладнокровной, способной воздерживаться от авантюры, она могла бы удержать свое господство, могла бы завоевать себе, несомненно, выгодное положение на Западе. Она этого не сделала... Машина пошла дальше, чем сами германские империалисты хотели, и их раздавила. Они увязли, они оказались в положении человека, который обожрался, идя тем самым к своей гибели»².

Блестяще оправдался ленинский стратегический план борьбы с агрессией германского империализма, предусматривавший, что «мы должны бороться против немецкого империализма не только путем национальной войны, но и

¹ «Военно-исторический журнал», 1964, № 4, с. 7.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 158—159.

путем пропаганды и разложения его изнутри» Характерно, что при планировании предстоящей кампании в январе 1918 г. верховный военный совет Антанты исходил из предпосылки, что только в 1919 г. в результате непрерывного притока американских войск будет достигнуто решающее превосходство над армиями Четверного союза ². Характеризуя международное значение Брестского мира, В. И. Ленин писал в октябре 1918 г.: «... ценою национальных жертв мы сохранили такое *интернациональное* революционное влияние, что теперь вот прямо подражает нам Болгария, кипит Австрия и Германия, ослаблены *оба* империализма, а мы окрепли и *начали* создавать настоящую пролетарскую армию» ³.

Углубление мирового революционного процесса, революции в странах Четверного союза и активизация трудящихся масс в странах Антанты и нейтральных государствах, рост их солидарности с первым в истории государством рабочих и крестьян сковывали силы международного империализма, открывали для Советской России перспективу союза с восставшими пролетариями Запада и быстрого освобождения от германских оккупантов огромных территорий. В то же время победоносное для Антанты окончание мировой войны позволяло ей расширить масштабы антисоветской интервенции, поставить задачу удушения Советского государства в центр своих военных и дипломатических задач. Отмечая этот коренной перелом во внешнеполитическом положении Страны Советов, В. И. Ленин ориентировал партийные, советские и военные органы на необходимость при изгнании германских оккупантов и отражении антисоветского похода Антанты полностью учитывать всю сложность и противоречивость переживаемого страной момента. «... Наша действительность изменилась,— писал В. И. Ленин,— ибо если Германия побита, то становится невозможным лавирование, ибо нет 2-х воюющих, *между коими лавировали* .мы!!» ⁴ Отмечая другой важный аспект указанной проблемы, В. И. Ленин подчеркивал: «Разница коренная с II. 1918 та, что тогда у нас *была* возможность выиграть время, отдав землю. Теперь возможности такой *нет*» ⁵.

Ноябрьская революция в Германии являлась буржуазно-демократической революцией, проведенной в известной мере пролетарскими средствами и методами и имевшей огромные потенциальные возможности быстрого перерастания в социалистическую революцию. Однако в Советах рабочих и солдатских депутатов большинство захватили оппортунистические элементы: шейдемановцы из Социал-демократической партии (СДПГ) и каутскианцы из Независимой социал-демократической партии (НСДПГ). В результате их сговора 10 ноября было образовано «социалистическое правительство» — Совет народных уполномоченных под сопредседательством Ф. Эберта и Г. Гаазе. В союзе с военщиной и другими наиболее реакционными силами оно взяло курс на сохранение капиталистического строя и подавление борьбы за установление диктатуры пролетариата. Революционные марксисты во главе с К. Либкнехтом и Р. Люксембург решительно разоблачали предательскую политику шейдемановцев и каутскианцев, призывали трудящиеся массы к оружию, к проведению глубоких социально-экономических преобразований и установлению братского сотрудничества с Советской Россией. Важным шагом на пути создания самостоятельной пролетарской партии явилось преобразование группы «Интернационал» (группа «Спартак») в «Союз Спартака». Но спартаковцы были слишком малочисленны и слабы организационно, чтобы противостоять волне оппортунизма, размывшей единство рабочего класса ⁶.

В области внешней политики правительство правых социал-демократов полностью восприняло установку кайзеровской дипломатии на вовлечение импе-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 212.

² См.: Ллойд Джордж Давид. Военные мемуары, т. V. М., 1938, с. 133.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 109.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 185.

⁵ Там же, с. 195.

⁶ См. подробнее: Дробкин Я. С. Ноябрьская революция в Германии. М., 1967.

риалистов Антанты в торг при подписании условий капитуляции за счет Советской России, пугая их жупелом большевистской опасности. Этот антисоветский курс нашел яркое выражение в деятельности германской делегации на переговорах о перемирии в Компьенском лесу и после свержения кайзера. Главным ее аргументом в пользу смягчения условий перемирия стало утверждение, что они «толкнут Германию в объятия большевиков». Уже в первый день переговоров, 8 ноября, отмечал глава делегации М. Эрцбергер в своих воспоминаниях, «мы указали, что теперь союзники повторяют ту же ошибку, что и старое немецкое правительство весной 1918 года по отношению к России, когда Германия считала себя победительницей большевизма, а оказалась побежденной... Мы особенно добивались продления срока для очищения оккупированных местностей...» Несмотря на различие позиций Франции, Англии и США относительно степени ограничения военно-экономического потенциала Германии, они были едины в стремлении использовать ее в качестве бастиона против русского большевизма, оставить германские оккупационные войска на Востоке до прихода туда их войск с целью сохранения важных антисоветских плацдармов и подавления освободительного движения трудящихся масс ². В двенадцатой статье подписанного 11 ноября Компьенского перемирия указывалось: германские войска, которые ныне находятся на территориях, составлявших до войны Россию, должны вернуться в пределы Германии, как только «союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий» ³. Статья шестнадцатая предусматривала свободный доступ войскам Антанты на «территории, эвакуированные немцами на восточных границах» через Данциг или Вислу «в целях поддержания порядка» ⁴. В такой завуалированной форме закреплялся антисоветских! сговор империалистов Антанты и Германии в официальном, сразу же получившем широкую огласку документе. Конфиденциально же государственный секретарь США Г. Лансинг счел возможным вскоре отметить: «Союзные и объединенные державы являются на основе перемирия союзниками Германии в прибалтийских провинциях» ⁵.

Серьезные уступки Антанты при определении количества германского вооружения, боевой техники и транспортных средств, подлежащих передаче союзникам, антисоветская направленность ряда важных статей перемирия полностью отвечали планам германской военщины продолжить оккупацию огромной территории на Востоке и принять участие в подготавливаемом международной империалистической реакцией «крестовом походе» против Советского государства. Не менее настойчивое стремление Антанты всемерно использовать поражение своих противников по первой мировой войне для усиления антисоветской интервенции проявилось и в подписанном ранее перемирии с Турцией ⁶.

Убедившись вскоре в невозможности добиться оставления всех германских оккупационных войск на Востоке, главное командование Антанты пришло к выводу о необходимости приложить все усилия, чтобы задержать их на Украине, в других же районах передать часть германского военного имущества контрреволюционным формированиям ⁷.

Панический страх перед революционизирующим влиянием советского посольства в Берлине и желание усилить свои позиции на переговорах с Антантой побудили германское правительство 5 ноября под провокационным

¹ Эрцбергер М. Германия и Антанта. Мемуары. М.—Пг., 1923, с. 302.

² См.: Норден А. Между Берлином и Москвой... с. 231—234.

³ Международная политика новейшего времени в документах, нотах и декларациях, ч. 2. М., 1926, с. 195.

⁴ Там же, с. 196.

⁵ Рарев Нейтд 1о 1е Рогеп КеЫшпв о҃ 1е 11пПе1 8Шев. Тье Рапв Ре^се СопҀегепсе, 1919, УО1. IV. \Уа8Ып\$Юп, 1943, р. 691.

⁶ См.: Международная политика новейшего времени в документах, нотах и декларациях, ч. 2, с. 188—189.

⁷ См.: Из истории гражданской войны в СССР, т. 1, с. 63—65.

предлогом порвать дипломатические отношения с РСФСР. VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов 8 ноября 1918 г., заслушав речь В. И. Ленина, принял постановление о международном положении, где указывалось, что определенное течение в правящих кругах Германии «судорожно ищет соглашения с англо-французской буржуазией против революционного пролетариата и большевиков»². Отвергая помощь Советской России (11 ноября ВЦИК постановил направить в Берлин два эшелона с хлебом и приступить к созданию продовольственного фонда помощи рабочим и солдатам Германии³), правительство Эберта, «стремившееся, по совету Каутского, «кокетничать» с Антантой, делало все, что могло, чтобы помешать возобновлению с нами отношений»*. Делегация ВЦИК, выехавшая 5 декабря на I общегерманский съезд Советов, оказалась задержанной «в самой недостойной форме»⁵. Министр иностранных дел Германии граф У. Брокдорф-Рандау так оценивал в Национальном собрании в феврале 1919 г. отношения с Советской Россией: «У нас теперь нет с нею ни договора, ни дипломатических сношений. Мы находимся с ней в состоянии фактической войны»⁶.

Накануне первой годовщины Октября значительно улучшилось внутреннее положение Советского государства благодаря наметившемуся повороту среднего крестьянства в сторону активной поддержки диктатуры пролетариата. А оно уже тогда составляло около 60 процентов сельского населения⁷. Этот поворот во многом определялся итогами мудрой ленинской политики Брестского мира. В. И. Ленин указывал на две причины поворота: крах германского империализма и разоблачение англо-французского империализма, а также буржуазно-демократических иллюзий. Остановливаясь на обстоятельствах первого поворота, В. И. Ленин писал: «Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств. К числу особенно больших, можно сказать, исключительных трудностей нашей пролетарской революции принадлежало то обстоятельство, что ей пришлось пройти полосу самого резкого расхождения с патриотизмом, полосу Брестского мира. Горечь, озлобление, бешеное негодование, вызванные этим миром, понятны... Миновали те объективные условия, которые особенно резко оттолкнули от нас... демократов-патриотов. Наступили такие мировые объективные условия, которые заставляют их повернуть в нашу сторону»⁸.

На основе ленинского прогноза о поражении германского империализма и в условиях дальнейшего подъема борьбы трудящихся масс Украины, Белоруссии и Прибалтики Центральным Комитетом партии, Советским правительством и Главным командованием Красной Армии были приняты меры к заблаговременной подготовке освободительного похода советских войск с целью изгнания германских и австро-венгерских оккупантов и разгрома сил внутренней контрреволюции на оккупированных территориях. Делалось это при всемерном участии большевистского подполья и строжайшем соблюдении военной и государственной тайны, партийной конспирации, чтобы не дать повода правящим кругам Германии к срыву Брестского мира.

В соответствии с указаниями ЦК РКП(б), В. И. Ленина подпольные большевистские организации при подготовке к решающим боям за восстановление Советской власти особое внимание уделяли усилению работы среди солдат и матросов оккупационных войск, вовлечению их в освободительную борьбу местного населения. 2 ноября 1918 г. в письме из Вильно от имени ЦК КП Литвы

¹ См.: Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 559—564.

² Там же, с. 557.

³ См. там же, с. 564—565.

⁴ Отчет Народного комиссариата по иностранным делам VII съезду Советов (ноябрь 1918 — декабрь 1919 г.). М., 1919, с. 17.

⁵ Там же, с. 18.

⁶ Там же, с. 21—22.

⁷ См.: Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы, с. 245.

• Лея и н В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 190—191.

и Белоруссии В. Мицкявичюс-Капсукас информировал: «Рабочие массы на нашей стороне. Начинается лихорадочная подготовительная работа в ожидании крупных событий. Уже имеем связи с солдатами. Надеемся, что в ближайшее будущее значительная их часть (больше 1000 человек со всеми родами орудий) будет в полном нашем распоряжении. При их содействии мы приступаем к организации милиции, т. е. нашей Красной гвардии»¹. Из 5 млн. рублей бюджета ЦК РКП(б)У на ноябрь—декабрь 4 млн. предназначалось на финансирование военной боевой работы на Украине и усиление повстанческих дивизий². Центральным бюро коммунистических организаций оккупированных областей в октябре—декабре было направлено в оккупированные местности и в распоряжение партийных комитетов губерний, сопредельных с демаркационной линией, 50 партийных работников-организаторов³. С целью усиления революционной пропаганды в интервенционистских войсках на Северном и Восточном фронтах политуправление Петроградского окружного военного комиссариата с 7 ноября начало издавать еженедельную газету «Коммуна» на русском, немецком, английском, французском, польском и итальянском языках⁴. За демаркационную линию в район Пскова и Нарвы была направлена группа агитаторов для работы среди германских солдат и усиления связи с коммунистическим подпольем в Прибалтике и Финляндии⁵. Северо-Западный обком партии создал немецкую секцию и военно-революционный совет германских войск восточного фронта, которыми издавались на немецком языке газеты «Звезда» и «Красный солдат»⁶.

Первоочередной задачей Главного командования являлось создание и усиление ударных группировок войск на основных операционных направлениях предстоящей кампании. С этой целью в составе Северного фронта было ускорено формирование управления 7-й армии, которому передавалось оперативное управление штаба Петроградского военного округа⁷. Создаваемое объединение усиливало 10-й стрелковой дивизией, формировавшейся в Вятском районе. Уже 1 ноября главком отдал приказ командованию Уральского военного округа «о срочном отправлении в Псковский район двух готовых полков 10-й дивизии в распоряжение командсева»⁸. Важное значение для повышения боеспособности войск 7-й армии, усиления партийно-политической работы и материально-технического обеспечения имела помощь рабочего класса Петрограда. Только в ноябре в части армии влилось 8287 питерских рабочих. По указанию ЦК РКП(б) для 7-й армии в Петрограде, Петроградской, Новгородской и Череповецкой губерниях было мобилизовано 1700 коммунистов. К концу года партийные организации 7-й армии объединяли около 3 тыс. коммунистов⁹.

Директивой Главного командования от 5 ноября командованию Северного фронта, Петроградского военного округа и Западного района обороны (с 15 ноября Западной армии) предписывалось в кратчайший срок довести до боевого состава все формируемые дивизии, а к 15 ноября завершить формирование штаба 7-й армии¹⁰. При большой протяженности линии фронта и густой сети железных дорог в предстоящих операциях важная роль отводилась бронепоездам, и Главным командованием принимались меры к усилению ими За-

¹ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов, т. 5. М., 1970, с. 100—101.

² См. там же, с. 122.

³ См.: Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов, т. 6. М., 1971, с. 153.

⁴ ЦГАСА, ф. 8, оп. 1, д. 57, л. 48-49.

⁵ Там же, л. 50.

⁶ См.: Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, ч. 1, с. 426.

⁷ ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 109, л. 395.

⁸ Там же, л. 380.

⁹ См.: Пу ты р с к и й Е. Боевой Петроград в 1918 году. Л., 1972, с. 92—119; Ку л ы ш е в Ю. С., Н о с а ч В. И. Партийная организация и рабочие Петрограда в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). Л., 1971, с. 123—126, 200—201.

¹⁰ См.: Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920), с. 172.

падной и 7-й армий. Особое значение Главнокомандование придавало ведению разведки на всю глубину оккупированной советской территории и сопредельных районов Восточной Пруссии, Польши и Румынии. В директиве, отданной командованию Северного фронта и Западного района обороны, говорилось: «Усилить разведку по фронту и в тылу противника, тщательно следя за его передвижением и группировкой»². 13 ноября последовало приказание пограничным частям установить строгое наблюдение за демаркационной линией³. 16 ноября командование Резервной армии вменило в обязанность командованию 2-й Украинской повстанческой дивизии ежедневно доносить «все имеющиеся сведения о расположении и силах противника (гайдамаки) перед фронтом дивизии, а также о всем замеченном, особенно в переменах в настроении немецких частей»⁴.

Благодаря помощи большевистского подполья, прямым связям с повстанческими штабами и партизанскими отрядами в период подготовки освободительного похода и во время самого похода советское командование располагало обширной и разносторонней информацией о военно-политическом положении в тылу противника. Успех деятельности разведывательных органов Красной Армии во многом определялся умелым сочетанием опыта большевиков-конспираторов с опытом и знаниями военных специалистов, вставших на путь честного служения Советской власти. После завершения осенне-зимней кампании 1918/19 г. РВС Западной армии так характеризовал работу начальника разведывательного отделения штаба армии А. И. Кука: «... его неустанными трудами организована и поставлена на должную высоту войсковая и агентурная разведка на широком фронте от границ Латвии до границ Украины, захватывая глубину последней области. При современном положении, при постоянных переменах политических конъюнктур и связанных с этим перемещениях неприятельских войск и глубоких изменениях в их организации и группировках выяснять их положения, настроения, численность, их организацию и тактические предположения являлось делом трудным и требовавшим особых, высоких способностей. Генерального штаба Кук справлялся с этой задачей с полным успехом, всегда, по первому требованию предъявляя в доклад сведения о противнике в той полноте, какую можно было к ним предъявить»⁶. Член Харьковского облревкома А. И. Руденко вспоминал: «Наши конспиративные квартиры были связаны телефонами с городским и железнодорожным телеграфом. Благодаря помощи работников телеграфа мы получали возможность передавать за кордон командованию Красной Армии и ЦК КП(б)У очень ценную информацию»⁶.

В предстоящих операциях Красной Армии во взаимодействии с повстанческо-партизанским движением по освобождению советских земель от германских оккупационных войск В. И. Ленин считал необходимым всемерно использовать все средства мирного решения проблемы их эвакуации в соответствии с ходом событий в Германии и степенью революционизирования солдатских масс, предостерегал от какой-либо поспешности и опрометчивости⁷.

К середине ноября 1918 г. на восточном фронте оставались германские войска общей численностью свыше 700 тыс. человек⁸. Естественно, что от позиции этих солдатских масс, от успеха работы большевистского подполья и спартаковцев по их революционизированию, от правильного сочетания всех средств и форм борьбы во многом зависело возрождение или установление Советской власти на оккупированной германскими империалистами территории. Развитие событий показало беспочвенность планов Антанты сохранить анти-

¹ ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 109, л. 393, 397, 409, 411, 425.

² Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920), с. 173.

³ ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 109, л. 403.

⁴ ЦГАСА, ф. 103, оп. 1, д. 46, л. 7.

⁵ ЦГАСА, ф. 201, оп. 3, д. 851, л. 191.

⁶ Спогади про перший з'їзд КП(б)У, с. 69.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 98, 120—121.

⁸ См.: Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора, т. 2. М., 1971, с. 59.

советские плацдармы в наиболее важных районах, оккупированных германскими войсками, и втянуть их в вооруженную борьбу с Красной Армией, несмотря на все усилия реакционного командования и пособничество шейдемановских Советов. Основная масса германских солдат повиновалась приказам своего командования только в той мере, в какой они обеспечивали возвращение на родину. Первоначально германское командование считало возможным предотвратить воздействие «детонации» революционного взрыва в Германии на оккупационные войска путем изоляции их от источников соответствующей информации. В частности, немедленно была прекращена работа Ростовской радиостанции и с обслуживающего персонала взято слово ничего не говорить в гарнизоне о революции в Германии. Донское белоказачье «правительство» информировалось германским командованием, что оно не сомневается в надежности своих войск на юге и «примет все меры, чтобы выяснить необходимость поддержания полного порядка, спокойствия и энергичной борьбы с анархией, при возникновении которой Германия останется совершенно без хлеба украинского, кубанского и донского». Однако вскоре такого рода иллюзии развеялись. Сознанием полной беспомощности удержать в повиновении солдатские массы и продолжить оккупацию продиктована запись в дневнике Гофмана от 12 ноября 1918 г.: «Я не могу удержать здесь своих людей: все хотят домой... Большинство говорит: «Наша присяга более не действительна, мы поэтому должны вернуться домой»². В еще большей степени потеряло контроль над своими войсками командование австро-венгерской восточной армии, штаб которой уже 30 октября переместился из Одессы в Винницу, что фактически означало начало их эвакуации³. 7 ноября 1918 г. германский генеральный консул в Одессе Онесейт доносил в Берлин: «При эвакуации восстали части 7-й венгерской кавалерийской дивизии в Жмеринке; передают, что они выбросили большинство своих офицеров из поезда, а около двадцати офицеров убили... Настроение среди австрийских и венгерских войск в последнее время было самым скверным. Солдаты всюду заявляли, что они возвращаются домой и желают принять участие в организации нового политического строя у себя на родине»⁴.

Чтобы не допустить дальнейшего революционизирования своих войск, командование германского восточного фронта отдало приказ о начале частичной эвакуации, а 28 ноября военное министерство санкционировало эвакуацию в более широких масштабах, несмотря на усилия ставки удержать войска на Востоке в интересах «народного хозяйства» и проводить эвакуацию «в более поздний срок, подлежащий согласованию с Антантой»⁵. Более того, вскоре командование восточного фронта ходатайствовало перед правительством прислать подкрепления, чтобы «срочно заменить уставшие от войны на Востоке части боеспособными»⁶.

При первых известиях о революции в Германии В. И. Лениным были даны указания партийным, советским и военным органам районов, сопредельных с демаркационной линией, о скорейшем оповещении об этом германских солдат и установлении с ними контакта для совместной борьбы против контрреволюционных сил, и прежде всего на Украине⁷. 16 ноября командир Богунского полка Н. А. Щорс в телеграмме В. И. Ленину о переговорах с солдатами пяти гарнизонов сообщил о преобладании революционных настроений, отстранении офицеров от переговоров и выборов в Советы, но отмечал: «Мер против них не принимают, несмотря на наши советы»⁸. Такого рода нерешительность германских солдат в даже наиболее революционно настроенных частях сопредель-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 1261, оп. 1, д. 31, л. 72.

² Гофман М. Записки и дневники 1914—1918, с. 260.

³ См.: Крах германской оккупации на Украине, с. 182.

⁴ Там же, с. 187.

⁵ Советско-германские отношения... т. 1, с. 696—697.

⁶ Там же, с. 692—693.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 183—184; т. 50, с. 202—203, 205—206, 213; «Красный архив», 1939, № 4, с. 93—94.

⁸ Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1. М., 1940, с. 426—427.

ной полосы приобретала характер открытого оппортунизма, провозглашения нейтралитета по отношению к борьбе трудящихся масс против внутренней белогвардейской и буржуазно-националистической контрреволюции. Это особенно чувствовалось в соединениях и армиях, где засилье в Советах шейдемановских элементов было велико. В опубликованном позднее отчете германского военного министерства указывалось: «В отдельных случаях даже удалось поставить во главе Советов... доверенных лиц командования, штабных офицеров и адъютантов» Шейдемановцы и реакционные офицеры запугивали солдат перспективой потери боеспособности войск во враждебном окружении за многие сотни километров от родины и призывали их к «сплочению» для успешной эвакуации ². В то же время солдатские массы, как правило, противились попыткам втянуть их в вооруженную борьбу с Красной Армией, сделать пособниками внутренней реакции в подавлении революционного движения трудящихся, а в ряде районов выступали в их защиту. 26 ноября 1918 г. на ст. Беломестная под Белгородом на своем трехтысячном митинге германские солдаты заявили советским делегатам: «Наши пушки не будут направлены против вас» ³.

В такой сложной и противоречивой обстановке для выработки стратегии и тактики освободительной борьбы, соответствующих новым условиям, исключительно важное значение имела правильная оценка характера революционных событий в Германии и их влияния на оккупационные войска. Сообщая об обсуждении Совнаркомом поздно вечером 11 ноября 1918 г. вопроса о революции в Германии, «Правда» отмечала, что Советское правительство считает необходимым «сохранить максимальную осторожность в оценке происходящего в германском революционном движении», ибо, по определению В. И. Ленина, «в основном, по-видимому, у немцев все-таки Февраль, а не Октябрь» ⁴.

Постановлением ВЦИК от 13 ноября 1918 г. за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова Брест-Литовский договор был аннулирован. В этом историческом постановлении указывалось, что мир насилия и грабежа пал «под соединенными ударами германских и русских пролетариев-революционеров». Советская Россия обращалась к народам Германии и бывшей Австро-Венгрии с призывом установить истинный мир, положив в его основу «те принципы, которые соответствуют братским отношениям между трудящимися всех стран и наций и которые были провозглашены Октябрьской революцией и отстаивались русской делегацией в Бресте» ⁵. Подчеркивая право на самоопределение народов, освобождающихся от ига германского империализма. Республика обещала им «полную, до конца идущую поддержку в их борьбе за установление на их землях социалистической власти рабочих и крестьян» ⁶.

На следующий день Советское правительство (радиограмма Г. В. Чичерина) обратилось к Советам рабочих и солдат Германии с призывом содействовать установлению контакта и урегулированию отношений РСФСР с правительством в Берлине. Выражая особое беспокойство в связи с положением в оккупированных областях и возможностью кровавых столкновений между германскими войсками и восставшими народными массами, Советское правительство считало необходимым «совместно с берлинскими товарищами тщательно изучить обстановку и наряду с наведением порядка в деле эвакуации этих областей найти средства и пути для достижения взаимного согласия между германскими солдатскими организациями и революционными организациями народных масс на местах, учитывая наше влияние среди последних» ⁷.

В докладе Главного командования Реввоенсовету Республики о стратегическом положении после революции в Германии и окончании первой миро-

¹ Бле НискГйгип^ Йез СЫЬеегез. ВегНп, 1936, 8. 173.

² См.: Освободительная война украинского народа... с. 521—522.

³ Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году, с. 209.

⁴ «Правда», 1918, 12 ноября.

⁵ Документы внешней политики СССР, т. 1, с. 565—566.

⁶ Там же, с. 567.

⁷ Там же.

вой войны указывалось, что это «существенно изменяет военную и политическую обстановку на фронтах Российской республики, в особенности на Западном, в западной части Северного и на Южном»¹. В этой обстановке Главное командование считало необходимым обеспечить оборону Петрограда продвижением соединений Северного фронта за отходившими германскими войсками с закреплением за собой рубежей: Нарва, Псков; Ревель, Валк, Мариенбург, Остров; Рига, р. Двина, Двинск. Перед Западной армией ставилась задача постепенного продвижения в направлениях: Люцин, Режица; Полоцк, Двинск; Полоцк, Вилейка; Орша, Борисов, Минск, Жлобин, Гомель². Освобождение оккупированной территории должно было «совершаться путем соглашения с советскими германскими организациями, происходить бескровно и сводиться к занятию важнейших жизненных и железнодорожных узлов и центров»³. С целью освобождения Украины Главное командование решило создать там «благоприятные для военных действий условия, для чего при содействии политической пропаганды, поддержанной небольшими воинскими отрядами, своевременно продвигнуться на Украине в направлении Харькова и Донецкого бассейна, т. е. в направлении рабочих центров, а впоследствии и в направлении Киева»⁴.

2

Изгнание германских захватчиков с Украины

Успех освободительного похода Красной Армии, изгнание германских оккупантов и восстановление Советской власти на Украине, в Белоруссии и Прибалтике во многом определялись правильным выбором момента начала наступательных операций советских войск и организацией их взаимодействия с повстанческо-партизанскими силами. При подтверждении первых радиogramм о революции в Германии (в частности, 10 ноября 1918 г. Я. М. Свердлов разговаривал по прямому проводу с Берлином⁵) ЦК РКП(б) постановил: «Признать необходимым передвинуть к границам национальные полки. Поручить Реввоенсовету определить количество, время и способ сосредоточения и замены». Особым пунктом в постановлении указывалось: «Признать восстание на Украине назревшим. Поручить Реввоенсовету ускорить группировку сил там у границы»⁶. Центральное бюро коммунистических организаций оккупированных областей обратилось к трудящимся с призывом не допустить захвата власти контрреволюционными элементами после краха германской интервенции: «Восстаньте все как один! Немедленно приступайте к организации Советов рабочих депутатов!»

Уже 11 ноября 1918 г. Совнарком дал Реввоенсовету Республики директиву «в десятидневный срок начать наступление в поддержку рабочих и крестьян Украины, восставших против гетмана»⁸. Принятию решения предшествовало обсуждение вопроса у В. И. Ленина с участием И. В. Сталина и В. П. Затонского. Ильич, вспоминая Затонский, «требовал самых точных сведений о наших связях на Украине, о характере движения, спрашивал, что представляет

¹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920), с. 133.

² См. там же, с. 137—138.

³ Там же, с. 137.

⁴ Там же, с. 136.

⁵ См.: Драбкина Е. Черные сухари. М., 1961, с. 248—250.

⁶ Куличенко М. И. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918—1920 годах. Харьков, 1963, с. 48.

⁷ «Правда», 1918, 16 ноября.

⁸ Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне, т. 3. М., 1932, с. 11.